

Новая и улучшенная версия печенья «Золотой колокольчик» хорошо продавалась, и Цзян Бингжену это пришлось по вкусу. Дело было не столько в том, что у него были какие-то амбиции по продвижению собственного ресторана, сколько в том, что ему просто нравилось считать деньги. В конце концов, девушки - существа упрямые, и в этом не было ничего нового, но серебро было величиной постоянной. Поэтому он перестал ходить на Цветочную улицу и регулярно раз в два дня появлялся в лапшичной.

Естественно, семье Цзян не нравилось, что он общается с бедными людьми, но Цзян Бингжену это было безразлично. Он просто хотел хорошо провести время. В прошлом он тоже болтался на Цветочных улицах и никто, за исключением его сварливого отца, не мог ничего ему сказать

Сегодня он снова побежал к Западным воротам и вышел только после того, как натер всем мозоли на обоих ушах. Те, кто знал, понимали, что он приходит в «1 чашку», чтобы перенять опыт, а те, кто не знал, думали, что он снова влюбился в красавчика из лапшичной.

Но хотя джентльмен в лапшичной был достаточно красив, Цзян Бингжен был здесь не для того, чтобы любоваться красотой. Он заказал чашку лапши с гусиным супом в переднем зале лапшичной, но когда увидел выходящего Юй Цзинь Няна, он отложил палочки и погнался за ним на задний двор. Он приставал к Юй Цзинь Няну, чтобы тот научил поваров в «Павильоне Чунфэн» новым закускам.

Поскольку приближался день Сяо Сюэ*, Цзян Бингжен хотел использовать это как повод для проведения дегустации чая в «Павильоне». Хотя уезд Синьянь расположен на юге и снег в это время года маловероятен, Цзян Бингжен хотел провести вечеринку. Исторически «Павильон Чунфэн» был связан с именем ученого, занявшего первое место на императорском экзамене, поэтому каждый год здесь проводилось что-то вроде чаепития или винных вечеринок в стиле литераторов, что придавало ресторану немного элегантности.

(ПП: день Сяо Сюэ - знаменует период малого снега, первый из 24 сельскохозяйственных интервалов. Каждый период отнесён к определённому лунному месяцу для подгонки лунного календаря к солнечному)

Цзян Бингжен только что возглавил ресторанный бизнес, а любой новый чиновник, вступая в должность, обязан зажечь три огня*. Он был очень взволнован. Когда у людей в его семье появлялись хорошие идеи, они все держали их при себе, чтобы другие не узнали об этом, но молодому мастеру Цзяну не терпелось излить все свои идеи и заставить Юй Цзинь Няна выслушать их. У него было много идей, и он во много раз лучше, чем все те старые педанты снаружи.

(ПП: новый чиновник, вступая в должность, обязан зажечь три огня - идиома, образно говоря, вновь назначенные чиновники должны сначала сделать несколько важных вещей, чтобы показать свои таланты и мужество)

Юй Цзинь Нян смешал пшеничные отруби на кухне и вынес тазик, чтобы покормить гусей.

Нескольких гусей уже зарезали, и загон немного опустел. Зато маленькие желтые гусята бегали вокруг и радостно кричали.

Цзян Бингжен вертелся рядом с ним, рассказывая о том, какой чай и воду следует использовать, какую еду он ел в предыдущие несколько дней, и делился, каких джентльменов и поэтов планирует пригласить на дегустацию чая...

Юй Цзинь Нянь присел на корточки за пределами загона, наблюдая за возней маленьких гусят. У Цзян Бингжена пересохло во рту от разговоров. Он беспокоился, почему Юй Цзинь Нянь молчит, поэтому дважды подтолкнул его и сказал, слегка раздражаясь:

- Я говорю с тобой, ты меня слышал?

Юй Цзинь Нянь наконец заговорил:

- Просто спросите об этом своего отца. Зачем спрашивать меня? Если бы я был в состоянии управлять таким большим рестораном, почему бы я до сих пор работал в маленькой лапшичной?

Цзян Бингжен поперхнулся и продолжал слушать.

- Если вы хотите новые закуски, нет проблем, просто принесите контракт, как в прошлый раз.

На этот раз Цзян Бингжен действительно задыхался. Он был молод, и в его семье не было сверстников, с которыми он мог бы поговорить. С родственниками говорить было опасно, а со своими прежними приятелями он говорил только о красивых проститутках, что было очень скучно. Однако с Юй Цзинь Нянем было интересно. Хотя семья Цзян была всего лишь мелкими торговцами, они все же смогли наладить связи с магистратом. Это было более, чем достаточно, чтобы общаться с таким обывателем, как Юй Цзинь Нянь, но Юй Цзинь Нянь не подчинялся этим доводам и не стеснялся возражать ему.

Цзян Бингжен был так зол, что толкнул тазик для кормления гусей, который Юй Цзинь Нянь держал в руках. Тот зазвенел, как военный гонг. Цзи Хун услышал звук снаружи и открыл занавеску, чтобы выйти. Он увидел, что молодой мастер яростно уставился на юношу и говорит:

- Зачем я только пришел поболтать с тобой? Это скучно, я ухожу!

Цзи Хун все еще держал занавеску в руке, когда молодой мастер Цзян умчался, как порыв ветра. Он оглянулся и, как будто не понимая, спросил Юй Цзинь Няня:

- Что здесь происходит? Что это за внезапный переполох?

Юй Цзинь Нян наклонился, чтобы поднять тазик, опрокинутый Цзян Бингженом. Он также был в замешательстве. Он думал, что не сказал ничего серьезного или резкого и не понимал, почему молодой хозяин Цзян вдруг вышел из себя. Его ноги немного онемели от долгого сидения на корточках и пришлось схватиться за изгородь загона, чтобы встать.

Цзи Хун протянул руку. Ладони мужчины были белыми и широкими. Кожа на запястьях была такой тонкой и полупрозрачной, что под ней проступали тонкие сине-фиолетовые вены. Пальцы у него длинные, сужающиеся к кончикам, как у музыканта.

Юй Цзинь Нян протянул ему руку. Цзи Хун схватил его одной рукой, а другой крепко обхватил спину юноши, чтобы поддержать его. Спина молодого человека была тонкой, но когда он вставал, то немного напрягся, отчего стал казаться очень сильным. Цзи Хун почувствовал, как лопатки под его рукой сильно сжались, как бабочка, которая вот-вот расправит крылья. Он с чувством погладил спину юноши и сказал:

- Поскольку у вас с ним деловое соглашение, следует быть более покладистым.

Молодой человек кивнул, но было не ясно, слушал он или нет. Цзи Хун склонился перед ним, отряхивая отруби, просыпавшиеся на одежду.

- Я подмету. Иди в дом и переоденься.

Юй Цзинь Нян вдруг горько покраснел и пробормотал:

- У меня нет никакой одежды.

Цзи Хун удивился:

- Как ты можешь быть без одежды?

Юй Цзинь Нян указал на бамбуковый шест в другом углу двора. На нем висело несколько серых одежд.

- Цин Хуань сказала, что после Сяо Сюэ все время будет пасмурно и мрачно, позже, вероятно, будет небольшой дождь. Сегодня прекрасный день, и она сказала, что одежда в моем шкафу пахнет затхлостью. Поэтому она взяла всю мою одежду, выстирала и повесила сушиться...

Он посмотрел на Цзи Хуна и с горечью сказал:

- У меня действительно ничего не осталось, только две рубашки.

- Только это? - Цзи Хун подошел и посмотрел на одежду на веревке. Материал был не очень хорошим и стал мягким от частой носки.

Юй Цзинь Нянь угрюмо кивнул:

- Было всего три или четыре комплекта одежды. Я пришел сюда с пустыми руками. Эта одежда была переделана для меня Второй Сестрой, которая перешила одежду своего мужа. Все в порядке... Ту, что на мне, я недавно стирал. Она чистая, я могу носить ее еще долгое время.

Одежда молодого человека была вся серая и старомодная. Такие люди, как Цзи Хун, привыкшие к пестрой шелковой одежде, действительно не мог отличить один его комплект от другого. Когда Цин Хуань вывесила их все для просушки, оказалось, что их было всего несколько штук.

Он повернул голову и вошел в комнату, позвав молодого человека с собой:

- Иди сюда, надень мое.

Пораженный Юй Цзинь Нянь на мгновение замер и последовал за ним в комнату. Он встал у стола и увидел, что Цзи Хун переворачивает одежду в своем багаже. Заметив край тонкого материала, расшитого облачным узором, он не удержался и сказал:

- Нет, я просто обойдусь двумя рубашками. Это не такое уж большое дело - ходить по залу...

Цзи Хун нахмурился:

- Как можно носить такие обноски.

Он поднял из кучи одежды лазурно-голубой ханьфу и еще один в нефритовом цвете. Это была та же самая одежда, что была на Цзи Хуне в день их первой встречи. Цвет был очень светлым, словно тончайший слой воды, проступающий сквозь хотанский нефрит.

Он спросил Юй Цзинь Няня, какой из них ему нравится.

Юй Цзинь Нянь быстро взглянул на него. Вспомнив Цзи Хуна, который в тот день стоял в переулке цветущих османтусов, он ткнул пальцем и указал на ханьфу нефритового цвета. Затем он пришел в себя, покачал головой и сказал:

- Забудь об этом. Нехорошо, если я его испорчу.

- Что в этом нехорошего? Это хорошо, если тебе это нравится, - Цзи Хун притянул юношу к себе

и, удерживая перед собой, развязал пояс. Одежда из серого льна не была похожа на шелк, поэтому она не могла сама соскользнуть с его плеч, ее пришлось снимать руками.

Средь бела дня двое мужчин раздевались в комнате.

Тени на оконной бумаге сместились, заставляя глаза то светлеть, то темнеть. В какой-то момент солнечный луч осветил красивое, но не броское лицо юноши, в другой - его талию под краем кремово-белой рубашки. Взгляд Цзи Хуна был немного потерянным, даже после двух попыток ему не удалось стянуть с юноши старый халат. Юй Цзинь Нянь вцепился в рукава и грубым движением стянул его, бросив на пол у своих ног.

Его грудь прикрывала только тонкая ткань нижней рубашки. Цзи Хун дважды посмотрел на его вырез. Кожа груди, не видевшая солнца и ветра, была молочно белой. Цзи Хун на некоторое время отвел глаза, достал ханьфу нефритового цвета и надел на него.

Когда Цзи Хун носил это ханьфу, оно было простым и элегантным, но на Юй Цзинь Няне оно выглядело особенно легким и воздушным. Юноша был немного меньше, и со стороны казалось, будто он украл одежду взрослого человека. Рукава были длиннее, а подол ханьфу волочился по земле. Когда он поднял ногу и шагнул вперед, он споткнулся о подол и упал в объятия Цзи Хуна.

На маленьком шкафчике у изголовья кровати стояло бронзовое зеркало. Юй Цзинь Нянь повернул голову и посмотрел на него. Он видел себя в таком плачевном состоянии. По сравнению с Цзи Хуном он был уродливым отродьем. Смущенный, он зарылся головой в грудь Цзи Хуна и сказал:

- Так уродливо, я сниму это.

- Это не уродливо. Если его немного подшить, ты будешь красивым маленьким мальчиком, - Цзи Хун схватил его за руку и позвал, - Цин Хуань, заходи!

Юй Цзинь Нянь поднял голову:

- Что ты хочешь, чтобы она сделала?

Цзи Хун сказал:

- Просто подшить его для тебя.

Цин Хуань ответила и вбежала, спрашивая, в чем дело. Цзи Хун приподнял слишком длинный рукав:

- Подшей его для брата Сяо Няна, сделай его короче здесь и немного подними подол.

Девушка кивнула на это и быстро побежала за иголками.

Юй Цзинь Нянь сделал несколько шагов назад, схватившись за рукава, и сел на кровать, с тревогой говоря:

- Жаль резать такую прекрасную одежду! Цин Хуань, не слушай его, не подшивай ничего!

Цин Хуань видела, что они зашли в тупик. Брат Сяо Нянь, вероятно, был расстроен тем, что хорошая одежда господина Цзи будет разрезана. А господин Цзи был огорчен тем, что брат Сяо Нянь отказывается носить хорошую одежду. Казалось, что они сердились друг на друга, но на самом деле они оба были добры друг к другу.

Она стояла так некоторое время, а затем прервала их и сказала.

- Вообще-то, не обязательно его резать, можно просто немного подогнуть. Со стороны это не будет заметно, но внутри может выглядеть не очень хорошо...

Цзи Хун вытащил маленького мышонка, прятавшегося за занавеской кровати, и бросил его перед Цин Хуань.

- Не стесняйся резать его, как тебе нравится. Лишь бы все подходило.

Юй Цзинь Нянь также был тронут. Он бы очень хотел носить одежду Цзи Хуна. Когда он услышал, что ему не нужно резать материал, он сделал вид, что некоторое время колеблется, а затем поджал губы и улыбнулся.

Он протянул руку и попросил Цин Хуань аккуратно подшить рукава. Цин Хуань не могла ни смеяться, ни плакать. Она подвернула ткань и стала подбирать нитку.

Юй Цзинь Нянь сидел в стороне, болтал ногами и командовал:

- Манжеты должны быть немного длиннее. Я видел, что другие джентльмены показывают только половину своей ладони. Это выглядит очень благородно.

Цзи Хун держал в руках свой чай и не мог не сказать:

- А это не будет мешать?

- Но это выглядит хорошо, - Юй Цзинь Нянь внезапно соскочил с табурета, подошел к шкафу и

начал рыться в нем.

Цзи Хун спросил его, что он ищет, но он ничего не сказал. Через некоторое время он вытащил из какого-то укромного угла простой веер. Это был веер, который Цзи Хун выиграл в канун Ночи луны. Он открыл веер и разложил его на столе, вложил кисть в руку Цзи Хуна и попросил его «что-нибудь написать», а затем добавил в конце: «Это будет красиво выглядеть».

Цзи Хун задумался на мгновение, а затем начертал на веере: «Полузавеса из дыма и дождя, чаша, полная вина, ароматы вьются по улице длиной в десять миль».

Самая некачественная кисть из овечьей шерсти, самая дешевая тушь. Из-за высокой стоимости чернил и кистей Юй Цзинь Нянь всегда использовал их с большой осторожностью и вниманием. На этот раз тушь была немного разбавлена и Цзи Хун сделал небольшую паузу, по привычке приподняв кисть, а затем случайно пролил небольшую каплю чернил на веер. Он задумался на мгновение и позволил чернилам растечься, а затем чернильным пятном набросал сливу. К счастью, это не повредило всю поверхность веера.

Юй Цзинь Нянь держал веер и осторожно дул на чернила, чтобы быстрее просохли. Потом он с улыбкой взял веер в руки.

Когда он увидел, что Цин Хуань потребует некоторое время на пошив, он предложил пойти и приготовить какую-нибудь закуску, чтобы угостить их в награду, и вышел на улицу.

Цин Хуань, мастерски работающая иглой, посмотрела на спину Юй Цзинь Няня и улыбнулась:

- Брат Сяо Нянь действительно умеет уговаривать.

Цзи Хун перестал писать и издал теплое «mmm».

Прошло совсем немного времени, прежде чем Юй Цзинь Нянь вернулся с тарелкой морковных чипсов. Тонко нарезанные ломтики моркови солят и сушат, затем их обжаривают на сковороде в масле. Когда они станут хрустящими, их вынимают и сливают масло. После этого блюдо готово к подаче на стол. Это то же самое, что и картофельные чипсы. Большая белая тарелка с синим рисунком была наполнена горой красных морковных ломтиков. Как и чипсы, они были хрустящие и рассыпчатые, сладко-соленые на вкус, а с чашкой чая они идеально подходили в качестве полдника.

К тому времени, когда они доели тарелку чипсов, Цин Хуань тоже закончила подшивать. Юй Цзинь Нянь не мог дождаться, чтобы примерить наряд. Посадка была идеальной, если не смотреть слишком пристально. Он высоко оценил мастерство Цин Хуань и не хотел снимать его. К счастью, был поздний вечер, и клиентов было немного, иначе он был бы так осторожен, боясь испачкать свою одежду, что не смог бы работать на кухне. Он даже не в состоянии был нести ведро или кормить гусей.

Вечером он долго рассматривал себя в зеркале, и в конце концов был похищен Цзи Хуном и уложен в постель.

Он повернулся, прижал ступни к икрам Цзи Хуна и ласково сказал:

- А-Хун, дай мне поносить его еще два дня, хорошо?

Цзи Хун видел, как сильно ему понравился нефритовый ханьфу, и не собирался просить его обратно. Только потому, что ему были так приятны мягкие и нежные слова молодого человека, он намеренно потянул время, прежде чем согласиться. Юй Цзинь Нянь приподнялся и поцеловал Цзи Хуна в щеку. Он был так счастлив.

Одежда лежала у изножья кровати, а веер - на подушке.

Через некоторое время, не услышав размеренного дыхания за спиной, Цзи Хун повернулся. Юноша все еще смотрел на не очень изысканный веер, бормоча написанные на нем слова.

Цзи Хун погладил прядь его волос и тихо сказал:

- Ты так счастлив из-за одежды? Через несколько дней я пойду с тобой, чтобы купить новую.

- Это не поэтому... - Юй Цзинь Нянь что-то пробормотал. Его голос был слишком мягким и Цзи Хун не смог его ясно расслышать. Он не любил ничего навязывать. В прошлом, если бы он не смог его услышать, он бы принял это за чистую монету. Но в этот момент он слегка вздрогнул, как будто услышал и как будто не услышал. Желая подтвердить, что это было, он отвел плечо юноши и сжал его лицо, чтобы он повторил это еще раз.

- Я не расслышал тебя четко, будь хорошим мальчиком и скажи еще раз.

Юй Цзинь Нянь не стыдился быть избалованным ребенком. После того, как Цзи Хун мягко уговаривал ее такими двусмысленными словами, как «хороший мальчик», он почувствовал, что его шея горит. Между подушками всегда было влажное тепло, которое создавало ощущение, что его поджаривает теплое и влажное дыхание. В углу комнаты горела желтая свеча - новый трюк, который придумал Юй Цзинь Нянь. Так как жечь свечу всю ночь было слишком дорого, он рассчитал время, когда Цзи Хун засыпает, и отрезал от свечи короткий кусок, чтобы свеча догорала только после того, как Цзи Хун уснет.

Из-за возни с одеждой они легли позднее, чем обычно, и свеча была на исходе. Слабые языки пламени плясали и пульсировали, то тускло, то ярко. Цзи Хун поцеловал кончик его носа и щеку в колышущемся свете. Привычка - страшная вещь: Цзи Хун так часто перед сном легко целовал и обнимал его, что, естественно, Юй Цзинь Нянь приподнял уголки рта и подался вперед.

Цзи Хун слегка рассмеялся, словно дразнясь. Юй Цзинь Нян тут же закрыл лицо одеялом и яростно сказал:

- Хватит болтать, иди спать!

Только его гнева не хватило на одну ночь. На следующий день, когда его собственная одежда высохла, он снова переделался в свою старую льняную одежду и, оставив одежду Цзи Хуна на кровати, отправился в «Павильон Чунфэн», чтобы обучать поваров.

Он не увидел Цзян Бингжена. Слуга сказал, что на заднем дворе строят рокарий, и молодой мастер наблюдает за работой. Он говорил бессвязно и уклончиво, словно пытаясь выудить какую-то сплетню. Скорее всего этот маленький пекарь не справился с работой и молодой мастер был зол на него. Он отказался встретиться с ним, потому что сердится на него, и отказывается видеть его с оправданиями.

Юй Цзинь Нян был озадачен. Он не понимал, какие из его слов расстроили Цзян Бингжена, поэтому он не мог не разозлиться на этого ублюдка.

Новость о том, что «Павильон Чунфэн» собирается устроить чаепитие в день Сяо Сюэ, распространилась по всему городу. Когда Юй Цзинь Нян входил и выходил из задней кухни, он видел, как слуги спуют, держа в руках маленькие, элегантные конверты бобово-зеленого цвета. Они организованно отправились в разные дома, а некоторым из самых известных поэтов и ученых даже присылали к двери коробку с небольшими подарками.

Хотя господин Имбирная Лепешка был так зол, что даже не хотел его видеть, когда Юй Цзинь Нян ушел домой, он послал за ним слугу, чтобы передать ему небольшое приглашение. Оно было того же бобово-зеленого цвета, но не таким изысканным, как те, что видел Юй Цзинь Нян. Похоже, что текст был написан в спешке. Слова в письме также были маленькими и скромными. Там было написано что-то вроде: в день Сяо Сюэ «Павильон Чунфэн» устраивает чаепитие. Я послал тебе приглашение из вежливости, тебе не обязательно приходить. Если захочешь прийти, я не обязан развлекать тебя.

Юй Цзинь Нян: «...»

Неужели господину Имбирной Лепешке нужно быть таким цундере*?

(ПП: цундере - японский термин, обозначающий двойственную природу отношений одновременно враждебных и чрезмерно дружелюбных или же человека, который проявляет подобное.)

На Сяо Сюэ выдался великолепный солнечный день на фоне легкого снега. Утренний туман рассеялся, и прохладный ветерок обдувал улицы. Небо все еще было немного сероватым, не таким голубым, как весной и летом, и свежий воздух приносил горечь опавших листьев. Это было действительно похоже на зиму.

Открыв окно, выходящее на шумный парадный зал, Юй Цзинь Нян лег на подоконник и посмотрел вверх. Вдруг мимо пролетела птица. Он махнул своим нефритово-зеленым рукавом и воскликнул:

- О, Боже! Наступил Сяо Сяю, пришло время приготовить ягнячье вино*. Приятно пить это вино во время новогоднего фестиваля, чтобы пополнить свою энергию, и это так освежает!

(ПП: ягнячье вино - знаменитое традиционное китайское вино. Оно возникло в династиях Хань и Вэй и процветало в династиях Тан и Сун, хорошо продавалось за рубежом во времена династии Юань. Вино «белого цвета и сладкое во рту». Оно такое же сладкое и красивое, как ягненок, отсюда и его название.)

Цзи Хун проходил мимо окна и остановился, услышав его бормотание. Он не знал, как пролетающая серая птица натолкнула этого юношу на идею ягнячьего вина. На мгновение Цзи Хун взглянул на нефритово-зеленый ханьфу, в который переоделся Юй Цзинь Нян. На нем также была повязка цвета утиного яйца, которую он подарил ему раньше. Его волосы были аккуратно расчесаны, и он лежал, положив голову на руки, как цветок персика, который послушно ждет, когда его сорвут.

До этого Юй Цзинь Нян делал молочные пирожные* на кухне. Они были сделаны из кукурузной муки и молока. Эти маленькие квадратные штучки дрожали на тарелке так мягко, что их невозможно жалко было есть. Позже он услышал, как посетители перед ним кричали о чаепитии в «Павильоне Чунфэн», и тогда вспомнил о дате. Он поспешно вернулся в дом, чтобы переодеться. Он хотел надеть красивую одежду и пойти посмотреть, как проходит чаепитие для знаменитостей.

- Новый год? - Цзи Хун был немного ошеломлен, когда подошел и сжал руку молодого человека, - ...Оказывается, год почти закончился.

Юй Цзинь Нян не убрал руку, позволив ему сжать пальцы, и неуверенно сказал:

- Ты еще не собираешься домой?

- Для чего мне возвращаться? - легкомысленно сказал Цзи Хун. Как перышко, которое не касается земли, он следовал туда, куда дул ветер, и где он окажется, зависело от воли Бога. Изначально все было так, но он взглянул на молодого человека, лежащего на подоконнике, и не мог удержаться, надавив на его плечо:

- Разве я похож на бусы?

- Хм? Что ты имеешь в виду? - Юй Цзинь Нян задрал голову, чтобы посмотреть на него острым взглядом. Уголки его глаз немного покраснели от солнца, и это вызывало желание потереть их.

Когда Цзи Хун наклонился ближе, он ощутил сладкий запах молока, который словно мед растекся по плечам, шее и волосам юноши. Цзи Хун перегнулся через подоконник и потеревил ему волосы, осторожно потирая виски. Было щекотно, так что он услышал непроизвольное хихиканье, вырвавшееся из горла Юй Цзинь Няна. Это принесло ему облегчение. Уголки его рта скривились, и он сказал:

- Только бусы откладывают за ненадобностью. Достают, когда они нужны, а в остальное время их задвигают в угол и никому до них нет дела.

- Я бы повесил тебя на шнурок и носил на талии каждый день, - сказал Юй Цзинь Нян с ухмылкой. - Ты когда-нибудь видел гунтао*?

Цзи Хун опустил глаза и посмотрел на него. Естественно, он видел это раньше. Юй Цзинь Нян показал руками и сказал:

- Вот так, привяжу тебя надежно и крепко, сделаю узел мира и удачи и получится маленький кулон, который все полюбят с первого взгляда.

Который все полюбят. Какое жадное слово. Цзи Хун чуть не задохнулся, оплакивая себя за это. Он поднял подбородок Юй Цзинь Няна и поцеловал его.

Дул свежий ветер. Солнечный свет на его теле был наполовину теплым, а не холодным. За ними находилась передняя комната, отделенная занавеской, с ее шумными разговорами и игроками, собирающимися для партии в пай-гоу.

Цин Хуань приподняла занавеску и увидела двух мужчин, прижавшихся друг к другу. Она тут же опустила занавеску, покраснела и сказала:

- Почему бы вам не сдержаться? Сейчас день!

Окно было невысоким, поэтому Юй Цзинь Нян высунул голову, дотронулся до лба Цзи Хуна и обратился к нему:

- Маленький кулончик.

Цзи Хун почувствовал, как будто его сердце защемило, и кровь хлынула внутрь, не находя выхода. Он протянул руку, чтобы обхватить верхнюю часть тела юноши, боясь, что тот выпадет, если высунется слишком далеко. Он хотел бы своими руками превратить его в кулон на своей талии.

Цзи Хун также нервно пробормотал:

- Не хочу, чтобы все меня любили...

Изогнутые в улыбке глаза Юй Цзинь Няна слегка округлились, он был просто немного озадачен. Цзи Хун схватился за переднюю часть ханьфу. Это была явно его собственная одежда, но когда он взял ее в руки, она показалась ему немного горячей.

Он лишь на мгновение потянул за ткань, как вдруг вспомнил, что юноша ценил ее как сокровище. Поэтому он сопротивлялся желанию подтащить Юй Цзинь Няна поближе. Он отпустил ханьфу, разгладил ткань и сказал в непринужденной манере.

- ... только ты.

Как только он это сказал, он немного пожалел об этом. Такие слова казались очень продуманными и очевидными. Слова, которые он говорил раньше, были не такими сильными по сравнению с этим предложением, но это действительно было истинным намерением его сердца. Когда было подходящее настроение, он не сказал этого, и не мог изложить справедливую и честную причину за все эти дни затягивания. Но если бы он это сделал, то боялся, что Юй Цзинь Няна не услышит или не поймет, а еще больше он боялся, что юноша тактично уклонится от ответа.

Он не в том возрасте, чтобы быть импульсивным, и все же неоднократно проигрывал в руках Юй Цзинь Няна.

- Ну ладно, - Цзи Хун сделал полшага назад, - Собирайся и отправляйся в «Павильон Чунфэн».

Прежде чем он ушел, Юй Цзинь Няна осторожно потянул его за рукав. Когда Цзи Хун повернулся, он указал на свой нефритово-зеленый наряд и спросил:

- Хорошо смотрится?

На этот раз настала очередь Цзи Хуна недоумевать. Но одежда была подшита и изменена так, чтобы хорошо смотреться на нем. Она ему очень шла.

- Да.

Юй Цзинь Няна поднял рукава. Манжеты были удлинены, как он и просил, закрывая только половину его ладони. Лишь кончики его длинных пальцев виднелись из-под ткани. Он наступил на небольшой ящик под ногами и внезапно выпрямился, почти высунувшись наружу, чуть не выпав из окна. Цзи Хун был так потрясен, что протянул руку, чтобы обнять его. Но юноша смеялся и улыбался. Казалось, это была намеренная попытка напугать его.

- Это хорошо смотрится потому, что это твое. Я не могу носить его, но и снять жалко, - шепотом пробормотал Юй Цзинь Няна, положив подбородок на плечо Цзи Хуна.

Сердце Цзи Хуна бешено колотилось. Он хотел отстранить юношу и посмотреть поближе, но Юй Цзинь Нянь не позволил ему, обмяк как дохлая рыба, и быстро и лукаво сменил тему разговора.

- А-Хун, вынеси меня.

- Ты же знаешь, что у меня не хватит сил ... - отказался Цзи Хун, - Я боюсь, что уроню тебя. Спустись вниз и пройди в дверь как следует.

- Попробуй.

Цзи Хун немного поколебался, но все-таки протянул руку и обхватил его за талию, чтобы вытащить из окна. Юй Цзинь Нянь оттолкнулся от поверхности коробки, уперся коленями в подоконник и выбрался наружу. Рука Цзи Хуна скользнула ему под колени, а другую руку он просунул подмышку молодого человека, фактически вынув его из окна, как принцессу.

В таком объятии два человека оказались лицом к лицу, они были так близко, что казалось, что они запутались друг в друге. Но мгновение спустя Юй Цзинь Нянь отпустил его руку и спрыгнул вниз.

С улыбкой поправляя одежду он спросил:

- Объятия принцессы? Было ли это весело? Хочешь поиграть еще раз?

Цзи Хун: «...»

Юй Цзинь Нянь встряхнул рукавами:

- Если ты все еще хочешь обниматься, то завтра ты можешь начать тренироваться с плоской опоры и приседаний. Я научу тебя, когда вернусь.

Цзи Хун: «...»

Итак, это кнут и пряник.

Юй Цзинь Нянь криво улыбнулся ему и вытолкал за дверь:

- Ладно, пойдём в «Павильон Чунфэн» пить чай!

*Ханьфу

*Молочные пирожные

*Гунтао - своего рода подвесное украшение, привязанное вокруг талии, обычно сопровождает ханфу. Посередине используется шнур с нефритом, золотыми украшениями, резьбой по кости,

<http://bllate.org/book/13608/1206871>